

ТАТАРОЧКА ЭСЬМА

ТИМУРДЖАН
ОДАБАШ

Б И Б Л И О Т Е К А Ш К О Л Ь Н И К А

ТИМУРДЖАН ОДАБАШ

ТАТАРОЧКА ЭСЬМА

Перевод с татарского
Я. БОГДАНОВИЧА

Обложка и рисунки худ. А. Андронова.

КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО Г. Ф. МИРИМАНОВА

МОСКВА — 1927

ТАТАРОЧКА ЭСЬМА

— Ну как, вести уже есть?

— Есть, есть.

— Кто привез?

— Сейчас Мурат-акай приехал, он рассказал.

— Что же он рассказал? Примут нас?

— Уже приняли. Мурат-акай сам был в школе, видел самого начальника.

— Правда, примут? Ну, скорее расскажи!

— Я же говорю, что приняли. Сказали — привезите ребят. Значит, едем.

— Айда, айда, едем!

Так разговаривали две девочки, Эминэ и Эсьма. Разговор был полон оживления. Девочки хлопали руками, прыгали, вертелись на одной ноге. В глазах сверкали искры чистой, искренней радости; от радости они не знали, что делать. Они так мечтали ехать учиться. Вот их мечта осуществилась.

В комнате были еще двое наблюдавших эту радостную сцену. Это были старики. Дедушка сидел у стены с трубкой во рту. Бабушка, засучив рукава, резала возле печки

груши. В это время маленький Билял, лежавший в люльке, неистово запищал пронзительным голосом.

— Что с малышом? Пойди посмотри! — сказал дед, обращаясь к старухе, выпуская трубку изо рта. Бабушка пробует подняться, упирается в землю обеими руками, охает и стонет.

— Что стало с этими девочками?

— Какой шум они подняли! Разбудили ребенка. Не только ребенка, даже мертвого они могут разбудить своим криком.

— Понятно, дети всему радуются.

— Все-таки мы не видали нашу Эсьму такой веселой с тех пор, как умерли ее мать и отец.

Такими замечаниями делились старик и старуха, смотря на девочек. В это время маленький Билял запищал в люльке еще сильнее. Старики забеспокоились.

— Эсьма, что ты делаешь? Разве не слышишь? Посмотри ребенка! — сказала бабушка. Но Эсьма, увлеченная разговором, ничего не слышала.

— Оставь! Пусть повеселится сиротка, — остановил дед старуху. — Сама посмотри за ребенком!

Старики, опираясь друг на друга, делали усилия подняться, охая и повторяя: „ярабим, ярабим“. Девочки же в избытке сил веселились, сияющие и радостные, забыв, что делается вокруг.

— Там, говорят, много детей!

— Колотят ли детей учителя?

— Нет, учителя играют вместе с детьми.

— Вот хорошо! Едем, едем скорей!

А маленький Билял все продолжал кричать.

В это время дверь открылась, вошла хозяйка. Ее звали Яшар-Дуду. Одной секунды для нее было достаточно, чтобы увидеть все происходившее в комнате. Заметив плачущего ребенка, она сразу нагнулась на Эсьму.

— Чтоб ты подохла, чтоб ты ослепла на оба глаза! разве не видишь, что ребенок плачет? Для чего я тебя кормлю?! Свинья!

Старик и старуха как-будто застыли в своей позе. Лица у них вытянулись, руки еще более затряслись. У Эсьмы сердце забилося, сама она побледнела, затихла. Эминэ между тем юркнула в дверь.

Хозяйка вцепилась в Эсьму и начала таскать ее за волосы, осыпая упреками, ругательствами, угрозами. Она совсем забыла о своем ребенке, который разрывался от плача.

Эсьма, когда в другое время подвергалась побоям (а это повторялось довольно часто), падала на колени и

— Подожди, ты скоро от меня избавишься: я уеду!

просила прощения. На этот раз она этого не делала. Она не выронила слезы, не стала просить. Сдавленным голосом, гневным тоном она сказала:

— Подожди, ты скоро от меня избавишься, я уеду!

— Смотрите, она еще возражает, свинья! Уходи за своим отцом. Я тебе покажу!

Старики с возмущением наблюдали эту картину. Наконец, их терпение истощилось. Дедушка собрал все свои старческие силы, подошел к хозяйке и сказал ей с упреком: — Невестка, зачем бьешь ребенка? Оставь!

Это вмешательство еще более рассердило хозяйку. Она начала еще больше кричать и еще сильнее колотить несчастную девочку. Собрались соседи, дети и даже взрослые, и стали наблюдать через окно разыгрывающую сцену. Она бы и далее продолжалась. К счастью для Эсьмы, вернулся хозяин, Ибрагим-акай. Он прикрикнул на жену. Все успокоилось.

Эсьма — девочка 12 лет, худенькая, бледная. Платье на ней старое; ноги давно не выдали обуви. В прошлую зиму ее родители умерли от голода. В деревенской школе она училась в последнем классе. Учитель ее хвалил; отец радовался ее успехам. Она бы училась и дальше, если бы отец остался жив. Перед смертью отец Эсьмы, встретив учителя, говорил с ним об Эсьме.

— Измаил-эфенди! Наша темнота — это наша беда. Я сейчас вспоминаю, как вы предупреждали, что будет голод, советовали запастись на зиму, а мы не верили, смеялись. Сейчас приходится плохо, пухнем от голода. Но вот о чем буду тебя просить. Если сам уцелеешь, позаботься об Эсьме, окажи ей помощи! Пусть учится.

Учитель был растроган, дал слово Ибрагиму-акаю, что выполнит его просьбу.

Эсьма сейчас живет у своего дяди. Ее участь самая незавидная. Она выполняет все домашние работы: таскает дрова и воду, гоняет в степь скотину. Часто уходит в поле на работу. За все это ежедневно от своей тетки выслушивает укоры и получает побоев. Сам дядя ее любит, жалеет. Дядя понимает, что приходится переживать бедной Эсьме и сочувствует ее горькой судьбе. Но что ему делать? Из-за Эсьмы он поколотил несколько раз свою жену Яшар-Дулу, но видя, что это не помогает, а напротив ухудшает положение Эсьмы, оставил. — Яшар-Дулу, сама в детстве не видевшая ничего, кроме побоев, все свое ожесточение, все недовольство судьбы вымещала на бедной Эсьме.

— А примут нас?

Дядя очень обрадовался, когда однажды летом учитель ему сказал: — Пошлем Эсьму в город учиться! Довольный, он сказал дома Эсьме: — Пошлю тебя в город учиться, там тебе будет спокойнее.

Из деревни в городскую татарскую школу отправили четырех девочек, в числе их Эсьму. Все они с нетерпением ожидали известий из города; более других беспокоилась Эсьма.

Лето кончилось. Солнце светит ярко, но дает уже мало тепла. Наступала осень, мрачная, неприветливая. На близких горах растительность изменила свой вид: порозовела, пожелтела, поблекла.

Эсьма с подругами уезжает в город; учитель их провозжает. Эминэ спрашивает учителя:

— А примут нас?

— Примут. Но только придется вам держать экзамен. Да еще доктор вас будет осматривать. Если экзамен выдержите и доктор найдет вас здоровыми, то попадете в школу. Из нашей деревни решили принять троих.

Слова эти поразили Эсьму. Ее настроение сразу упало. Голосом, в котором был слышен испуг, она спросила:

— Измаил-акам! А если экзамен не выдержим, и доктор скажет, что больны, тогда что?

— Что же, вернемся в деревню.

Эсьма при этих словах сразу перевернулась в лице, дыхание у нее участилось, сердце стало сильнее биться, радостное ее настроение сразу улетучилось. В ее горькой судьбе на минутку для нее блеснуло солнце, но тотчас горизонт заволокли черные тучи. Весь остальной путь ее думы были прикованы к этой мысли — о предстоящем экзамене, о докторском осмотре.

— Боже, помоги! Пусть меня примут в школу. Обещаю не грешить: никому не солгу; никого не обижу, даже животного; ни о ком не скажу дурного! — так шептала про себя бедная девочка.

Когда в'ехали в лощину между высокими горами, девочки затыкнули песню:

«Я спустилась с горы, в руке у меня золотой нугум»... Звон бубенчиков отдавался эхом между горами. Девочкам стало весело. Но их веселые голоса не могли разогнать печальных дум Эсьмы. Ей вспомнились те счастливые дни, когда она жила вместе с отцом и матерью. Вот все они отправляются резать табак. Как весело работать! Какой чистый воздух! Весело бежит вода в речонке. Эсьма набрала

Зсьма набрала цветов и несет их матери

цветов и несет их матери. Возле них резвятся ягненок, покрытый мягкой, как пух, шерстью. Но вот кончили обрывать табак. Отец ванизывает табак в пучки, а Эсьма с матерью собирают в корзину овоши и относят домой. Но солнце печет. Эсьма устала. Мать ее обнимает, целует. Эсьма, вспоминая об этом, переживает вновь это счастливое время. Искры радости светятся в ее глазах.

Но вот иная картина. На дворе холодно. В доме нет никого, кто бы был в силах зажечь огонь. Отец уже не сколько дней не возвращается домой. Все меньше и меньше надежды на его возвращение.

Мрачные картины голода, разорения, смерти матери прохлят перед ее глазами. Наконец, последние дни жизни в доме педи, тяжелые дни непрерывных мучений, оскорблений...

Вот сегодня, в день отправления в город, всех ее подруг провожали родители, родственники. А у белой Эсьмы не нашлось никого, кто бы ее приласкал, поцеловал на дорогу. Ее пале еще накануне простился с ней и ушел по делу. А тетка даже в этот последний день нашла повод ее обругать и поколотить. В торжественный час расставания, наблюдая своих подруг, окруженных близкими родными, Эсьма еще острее чувствовала горечь своего одиночества, чувствовала горечь своей судьбы.

Проезжая через холм, расположенный против деревни, Эсьма бросила последний взгляд на родные места. Ей бросилось в глаза то место, где был раньше дом ее отца, от которого остались лишь жалкие развалины; бросился в глаза мизар^{*)}, где похоронены ее родители. Все эти картины все больше и больше растревали ее душевные раны. Ей хотелось плакать, чтобы слезами облегчить сердце, но слез не было.

Видно было, как из деревни махали платками от'езжающим. Эмина, угловатая мысли Эсьмы и желая ее утешить, сказала:

— Ты счастлива, Эсьма! У тебя нет никого, кому бы твой от'езд причинил горе. А вот моя мать будет долго, долго плакать после моего от'езда.

* * *

Широкие ворота со скрипом раскрылись, и арба в'ехала во двор. Девочки с шумом высыпали из школьного здания и окружили вновь прибывших. Среди учениц Эсьма узнала нескольких знакомых девочек из соседних деревень. Эсьма поспешила этим воспользоваться. Первым вопросом, с которым она к ним обратилась, было: — Здесь ли доктор? —

^{*)} Мизар — кладбище

Доктор представлялся ее воображению страшным человеком большого роста. Учителей она не так боялась, так как помнила о своем учителе, который ласково с ней обращался. Знакомые девочки окружили Эсьму и стали спрашивать ее наперерыв друг перед другом:

— Что в деревне? Здоровы ли? Что знаешь о нашей деревне?

Эсьма сообщила, что знала сама.

Землячки Эсьмы стали показывать ей все, что находилось в школе. Они обошли весь двор, классные комнаты, столовую, кухню, спальни.

— Это что?

— Здесь канцелярия.

— Что здесь делают?

— Здесь занимается заведующий, учителя. Здесь записывают детей.

— Здесь принимают новых учеников?

— Да, здесь.

Наступил вечер. Стало темнеть. Пришел учитель, поздоровался с детьми и стал их расспрашивать, из каких деревень они приехали. Беседа продолжалась долго. Затем учитель простился с ними, говоря:

— Теперь, дети, идите спать, отдохните; а завтра устроим вам маленький экзамен и покажем вас доктору, потом начнете заниматься.

Для Эсьмы эта ночь была беспокойная и бесконечно длинна. В большой комнате, своими размерами похожей на двор, собрались дети со всех концов Крыма. Дети шептались, смеялись, болтали. Тускло горящая лампа отбрасывала длинные причудливые тени. Эта знакомая обстановка, а главное, мысль о предстоящем экзамене и докторском осмотре действовали угнетающе на бедного ребенка, и без того запуганного и подавленного. Какие-то новые, знакомые ощущения овладели ею, новые мысли рождались в ее голове, сон бежал от ее глаз.

Когда утром раздался звонок, Эсьма вскочила раньше всех.

Новичков позвали в канцелярию. Эсьма не помнила себя, когда входила в эту комнату.

Учитель Измаил-эфенди, привезший девочек в школу, о чем-то беседовал с заведующим.

— Нет, нет, четырех принять не можем. Мы для вашей деревни дали три места. Нужно оставить и для других. В Крыму деревень много.

Эти слова заведующего поразили Эсьму в самое сердце, так как Эсьма боялась, что окажется в числе непринятых.

— Эти девочки приехали с вами? Здравствуйте! Подойдите, посмотрим,— сказал учитель, обращаясь к вошедшим девочкам. Эсьма наклонилась, чтобы поцеловать руку учителя.

— Не нужно, не нужно, дитя мое. Как твое имя?

— Эсьма.

— Ты кончила школу?

— Да.

— А почему ты такая худенькая? Как же ты будешь учиться?

Эсьма похолодела. На все последующие вопросы учителя она уже не могла отвечать. Но ей на помощь поспешил Измаил-эфенди. Он что-то потихоньку говорил учителю.

Учитель внимательно прочел школьное удостоверение Эсьмы, покачал головой и сказал:

— Оказывается, ты — старательная девочка, умница!

Эсьма облегченно вздохнула. Сейчас она уже опять могла отвечать на вопросы. На все вопросы она отвечала лучше других.

Когда вышли из канцелярии, Измаил-эфенди похвалил Эсьму:

— Ты — умница, понравилась учителям.

Это окончательно успокоило и ободрило Эсьму.

Девочки окружили Измаила-эфенди и стали спрашивать, надолго ли здесь остаются, скоро ли увидятся вновь с родителями.

Но этот вопрос не занимал Эсьму. Ее внимание было приковано к другой мысли: скоро ли придет доктор для осмотра? Сказали, что доктор придет через час. Этот час казался ей бесконечно длинным. Ведь час имеет целых бо минут.

Наконец, доктор пришел,— позвали новых девочек.

Бедная Эсьма! С тех пор, как умерли родители, она никогда еще не испытывала такого тревожного чувства, как сейчас. Весь день накануне и всю ночь Эсьма думала об этой минуте. Вот она и придумала: чтобы показаться полнее и здоровее, она надела на себя платя и все белье, какое у нее было.

Робкими шагами вошла Эсьма в приемную доктора.

— Как тебя зовут? Болит у тебя что-нибудь?

— Ничего, ничего не болит,—одним духом выпалила Эсьма.

— Посмотрим. Покашляй!

— Я простудилась немного,—спешила пояснить Эсьма.

— Доктор, я буду хорошо учиться!

— Почему на тебе столько платяев? Ты, должно быть, замерзла?

— Холодно... нет... я здорова, доктор. Я болела, теперь все прошло.

— Когда бежишь, сердце не бьется ли у тебя, не болит ли?

— Нет, доктор, сердце у меня очень здоровое, оно не бьется и не болит.

— А ты почему, девочка, такая худенькая? Не болит ли у тебя, что-нибудь внутри?

Вопрос этот ставил Эсьму втупик. Ей казалось, что после смерти отвечать ангелам на сорок вопросов легче, нежели ответить на вопросы, заданные доктором. Пока доктор ей выстукивал грудь и спину, а затем выслушивал через трубочку. Эсьма несколько успокоилась и опять стала уверять: — У меня ничего не болит, я совсем здорова. Я худая потому, что мы перенесли сильный голод. Я осталась сиротой. У меня нет ни отца, ни матери. Доктор, я буду хорошо учиться! Несколько слезинок скатилось из глаз Эсьмы и упало на руку доктора.

Измаил-эфенди собрался ехать домой в деревню. Девочки собрались вокруг него. Каждая из них давала через него кучу заказов своим родным. Все они первый раз расставались с семьей, только сейчас начали жить самостоятельно. Понятно, что они почувствовали одиночество и беспомощность и даже страх. Каждая из них хотела воспользоваться отъездом Измаила-эфенди, чтобы заказать что-нибудь своим родным.

— Измаил-эфенди, пожалуйста, скажи маме, пусть пришлет теплый платок. Здесь холодно. Всем передай привет!

— Измаил-эфенди! Не забудь скажи отцу, чтобы прислал чашечку с ложкой, а также теплое одеяло.

— Это все пустяки. Скажи родителям, пусть пришлют каурму. И чтобы не забыли прислать орехов!

Измаил-эфенди только улыбался, слушая все это.

— Хорошо, хорошо. Все передам, не забуду. Все пришлем, а кроме того еще фруктов и бекмес. Вы же не заставляйте меня за вас краснеть. Хорошо ведите себя, хорошо учитесь! Не забудьте, что в будущем вам придется работать для нашего бедного народа, и что на вас лежит тяжелый долг перед нашим народом.

Кучер Осман тронул лошадей. Девочки стоят, грустно опустив головы, готовые заплакать. Среди них стоит и Эсьма. Среди девочек она только одна не давала поручений. У нее

не было никого, кто бы стал о ней заботиться. Измаил-эфенди, несколько удивленный ее молчанием, обратился к ней.

— Эсьма! А ты почему ничего не скажешь?

Эсьма сначала как-будто не расслышала. Затем, когда тачанка уже выехала со двора, Эсьма как бы опомнилась и подбежала к тачанке. Щеки у нее пылали. Грудь тяжело дышала.

— А ты, Эсьма, что скажешь? — повторил Измаил-эфенди, — не нужно ли тебе чего-нибудь?

— Нет, мне ничего не нужно. Кланяйся дяде и тете также. Пусть меня простят, если в чем-нибудь провинилась. Они меня спасли от голодной смерти.

Эсьма запнулась. Девочки с удивлением на нее смотрели.

— Вот что, Измаил-эфенди. В деревне, по соседству с нами, живет девочка, маленькая Успие, она тоже сирота. Позаботься, не забудь о ней, — попроси учителей, чтобы ее приняли сюда в школу!

Измаил-эфенди взял Эсьму за руку и, целуя ее в глаза, сказал:

— Хорошо, моя умница, скажу. Привезем и ее сюда в школу. До свиданья, дети!

Но Эсьма еще не кончила.

— У нас там в деревне есть еще много сирот. Я о них не забуду.

Слова с усилием вырывались из ее груди. Она хотела еще многое сказать, но не находила слов. Слезы душили ее.

Другие школьники столпились возле тачанки, желая узнать, что тут происходит. Все они смотрели с любопытством в лицо Эсьмы.

— До свиданья! — еще раз произнес Измаил-эфенди. Лошади тронулись.

Книгоиздательство

«на помощь деревне и школе»
Г.Ф. Мириманова

Москва, Гоголевский бульвар (быв. пречистенский) дом № 7
телефон № 3-33-04

БИБЛИОТЕКА ШКОЛЬНИКА

Цена 30 коп.

Цена 25 коп.

Цена 30 коп.

Цена 25 коп.

Цена 25 коп.

Цена 30 коп.

Цена 35 коп.

Цена 35 коп.

Цена 60 коп.

Цена 35 коп.

Цена 30 коп.

Цена 60 коп.

Книжки продаются во всех книжных магазинах СССР. Выписывать можно из склада книгоиздательства (Москва, 19, Пречистенский бульвар, д. 7. Г. Ф. Мириманову).

В провинцию книжки высылаются изданным платёжом.